

Цзян Иньюй наконец развернулся и направился к учебному корпусу, держась на расстоянии четырех-пяти метров от них.

Позор! Какой же это позор!

Сжав губы, Цзян Иньюй дошел до класса. Уже было время перерыва, и в классе стоял такой же шум, как и утром. Он сел на свое место.

Намо хэна дана дона е е

Намо али е пу лу цзе ди

Шо бо на е пу ти са до по е...

Не прошло и двух минут, как в его кармане зазвонил телефон, сопровождаемый словами мантры великого сострадания. Он достал телефон и отключил звонок, оглядев класс, который на мгновение затих из-за необычного рингтона. Он не думал, что мантра обладает такой силой, чтобы очистить души этих непослушных детей.

— Круто... — кто-то произнес.

Эти слова вернули всех к реальности, и как раз в этот момент прозвенел звонок на урок. Все вернулись на свои места, но многие продолжали поглядывать в сторону Цзян Иньюя.

Через некоторое время Цзян Иньюй достал телефон. Син Кэ, чей звонок он отклонил, уже отправил ему семь-восемь сообщений.

[Что случилось? Если что-то произошло, почему ты не сказал мне, брат? Мы же друзья!]

[Сегодня Старина Ван на уроке сказал, что ты перевелся?]

...

Чжао Вэнь, сидя за столиком с шашлыками, слюняво выбирал мясные шампуры, все еще находясь в легком замешательстве.

Они оба не хотели идти на дневные занятия, поэтому решили пропустить их.

— Зачем ты искал того парня? — спросил Чжао Вэнь, наливая себе стакан ледяной колы. Увидев, что Ань Шэн протягивает пустой стакан, он налил и ему.

Ань Шэн сделал глоток колы, отрыгнул и сказал:

— Сегодня днем Старина Лю проверял занятия и не нашел тебя. Как раз был урок у того придурка, и я решил выйти подышать воздухом, так что помог его найти.

На самом деле, замещающий учитель английского был слишком скучным. Это же не начальная школа, а методы преподавания были слишком детскими. Вот он и согласился помочь Старине Лю в поисках.

— А, чуть не забыл, ты же староста! — Чжао Вэнь взглянул на все еще опухший рот Ань Шэна и с сожалением сказал. — Ты можешь есть острое? Может, не стоит...

Не успел он закончить, как Ань Шэн бросил на него ядовитый взгляд.

Кто сидит за столом и смотрит, как другие едят!

— Ты думаешь, это бесплатно? — Разложив готовые шампуры на тарелке, он посыпал их перцем и другими специями.

Чжао Вэнь сделал глоток колы, кивнул и позволил ему продолжать.

Смотря на него, можно было подумать, что он пьет что-то крепкое!

— Ты что, пьешь колу, а на вкус как будто самогон? — Ань Шэн поднял бумажный стакан и сделал глоток. Нет, это точно кола!

— Хочешь чего-то покрепче? — спросил Чжао Вэнь.

Ань Шэн засмеялся, подняв стакан, и махнул рукой.

— Только мясо, тебе не надоело? — Ань Шэн, глядя на тарелку с колбасками и куриными крылышками, сморщился.

Чжао Вэнь был так занят едой, что не мог даже говорить.

— Кстати, ты так и не сказал, как вы оказались там. Я видел, как Чжао Сань вышел с синяками, еле сдержался, чтобы не засмеяться, — с набитым ртом сказал Чжао Вэнь. — Это вы его избили?

— Не я, — отрицательно покачал головой Ань Шэн, прикоснувшись к углу рта, который все еще болел. — Этот парень — крепкий орешек.

С таким количеством людей, он даже не дрогнул. Надо быть крепким, чтобы так поступить.

В голове Ань Шэна всплыли слова Цзян Инъюя: «Взаимно».

— Как бы крепок он ни был, связываться с Чжао Санем — это не то же самое, что связываться со мной. Чжао Сань точно ему отомстит, — Чжао Вэнь сделал глоток колы и посмотрел на Ань Шэна.

На лице Ань Шэна не было ни тени беспокойства.

— Зачем мне это? Мы с ним не знакомы.

Наконец урок закончился, и Цзян Инъюй положил ручку, закрыл учебник английского языка. Телефон больше не вибрировал, и он решил, что если бы он снова зазвонил, он бы его выключил. Но, видимо, в этом не было необходимости.

Как же он устал! И физически, и морально.

Он положил голову на стол, но, не успев принять удобное положение, почувствовал, что рядом сел кто-то.

Подняв голову, он увидел своего соседа по парте, от которого пахло шашлыками. Тот, заметив, что на него смотрят, улыбнулся.

Ань Шэн снял школьную форму и положил ее на колени, затем начал копаться в своем столе, заполненном вещами. Цзян Инъюй понаблюдал за ним некоторое время, затем снова положил

голову на стол.

Он спал все утро, и теперь не хотел спать, но все тело было вялым, и его слегка тошнило.

Очень неприятное ощущение!

Последний урок начался, и все вернулись на свои места. Так как они уже перешли на второй курс и разделились на гуманитарные и естественные науки, теперь не было надоедливых уроков географии и политики, что было приятно.

Последний урок был физикой. Учитель физики раздал экзаменационные листы и вышел из класса, неизвестно куда. Получив лист от девочки с передней парты, Цзян Инъюй хотел передать его Ань Шэну.

— Положи на мой стол, — не поднимая головы, сказал Ань Шэн.

... — Цзян Инъюй был ошеломлен и спросил:

— Что ты делаешь?

Ань Шэн все еще не поднимал головы.

— Форма порвалась, чиню.

Это произошло из-за того, что случилось в обед. Ты, видимо, забыл.

Цзян Инъюй наблюдал за длинными пальцами, ловко управлявшими иглой. Скорость шитья говорила о том, что он делал это часто.

— Ты еще и этим занимаешься! — сказал Цзян Инъюй. — Не ожидал.

— Дети из бедных семей рано взрослеют, — Ань Шэн почесал голову иглой. — Экзаменационный лист нужно сдать после урока.

Цзян Инъюй был ошарашен этими словами и, повернувшись, разложил лист на столе. Просмотрев несколько заданий, он понял, что справится, и полез в рюкзак за ручкой, но ничего не нашел.

— Ручки нет? — Ань Шэн остановился и бросил ему ручку. — Ты вообще учишься? Ручку не взял.

Дырка на форме была почти зашита, и, бросив ручку, Ань Шэн продолжил шить.

Цзян Инъюй чувствовал себя неловко. Слова Ань Шэна раздражали, но он держал его ручку, и злиться было как-то неудобно.

— Спасибо, — сказал Цзян Инъюй и начал решать задачи, не оборачиваясь.

Тон его был сухим, и Ань Шэн продолжал шить, не отвечая.

Когда сосредотачиваешься на чем-то, время летит быстро. Когда Цзян Инъюй закончил экзаменационный лист, прошло уже две трети урока.

Он только что написал свое имя, как вдруг заметил, что Ань Шэн наклонился к нему. Это было

так неожиданно, что он широко раскрыл глаза, хотя его ноги уже напряглись.

Он ненавидел, когда кто-то подходил так близко без предупреждения, особенно незнакомые люди. Это вызывало желание ударить.

— Ты, что, отличник? Не похоже, — Ань Шэн взял экзаменационный лист Цзян Инъюя и посмотрел на последние задания.

Те, кто не знал ответов, обычно оставляли их пустыми. Некоторые пытались написать что-то вроде формул, но у Цзян Инъюя были не только формулы, но и нарисованные траектории движения.

Это было впечатляюще!

Цзян Инъюй сдержал желание ударить и, взглянув на чистый лист Ань Шэна, поднял бровь.

— У тебя только одна ручка?

— Да, только одна, — спокойно ответил Ань Шэн.

— Ты же сказал, что нужно сдать лист. Как ты его сдашь? — Цзян Инъюй протянул ручку, чувствуя легкую тревогу, хотя и не понимал, почему.

Разложив лист, Ань Шэн улыбнулся Цзян Инъюю.

— Сейчас уже поздно, так что придется списать у тебя.

... — Черт, кто бы знал, что у тебя только одна ручка.

Как говорится, «съел — подчинился, взял — обязан». Цзян Инъюй вздохнул и, положив голову на стол, наблюдал, как Ань Шэн быстро пишет, временами хмурясь.

— Эй, я еще не спросил, зачем ты пошел туда в обед? — спросил Ань Шэн, продолжая писать.

— И от тебя не пахнет сигаретами.

Автор хочет сказать:

Я вернулся.

В это время шашлычная была не слишком заполнена, и несколько человек под навесом ели, обливаясь потом, но с удовольствием.

<http://bllate.org/book/16784/1543396>